Дата поступления рукописи в редакцию: 03.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-399-405

ГАСАНОВА Ильхама Закир кызы,
член Президиума Коллегии адвокатов Азербайджанской Республики,
преподаватель Национальной авиационной академии Азербайджанской Республики,
e-mail: ilhamahasanova27@gmail.com

ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА ЛИЦА НА ЗАЩИТУ НА НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. *В статье проводится теоретико-правовой и сравнительно-правовой анализ момента возникновения права на защиту на начальной стадии уголовного преследования. В центре исследования находится уголовно-процессуальное законодательство Азербайджанской Республики, которое в целом закрепляет развернутую и системно выстроенную модель гарантий прав подозреваемого, обвиняемого и защитника, однако связывает реализацию права на адвокатскую помощь преимущественно с формальным приобретением лицом процессуального статуса подозреваемого либо обвиняемого. Обосновывается, что такой подход, обеспечивая правовую определенность, не во всех случаях гарантирует своевременную и эффективную защиту личности, поскольку фактическая обвинительная деятельность государства может начинаться до официального оформления соответствующего процессуального статуса. Особое внимание уделяется случаям допроса лица в качестве свидетеля при наличии признаков фактического подозрения, а также проблеме последующего использования полученных на данной стадии сведений в доказывании. На основе анализа положений УПК Азербайджанской Республики, международных стандартов, практики Европейского суда по правам человека, постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П, а также законодательства и доктрины других государств делается вывод о необходимости нормативного уточнения момента возникновения права на защиту в уголовном процессе Азербайджанской Республики. Научная новизна статьи состоит в обосновании категории процессуального риска как материального критерия фактического начала уголовного преследования и как основания для более раннего допуска защитника в уголовное судопроизводство.*

Ключевые слова: *право на защиту, защитник, подозреваемый, обвиняемый, фактическое подозрение, процессуальный риск, право на справедливое судебное разбирательство, допустимость доказательств, уголовное преследование, Европейский суд по правам человека.*

GASANOVA Ilhama Zakir,
Member of the Presidium of the Bar Association of the Republic of Azerbaijan,
Lecturer at the National Aviation Academy of the Republic of Azerbaijan

THE PROBLEM OF THE EMERGENCE OF THE INDIVIDUAL'S RIGHT TO DEFENCE AT THE INITIAL STAGE OF CRIMINAL PROSECUTION IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Annotation. *The article provides a theoretical and comparative legal analysis of the moment when the right to defence arises at the initial stage of criminal prosecution. The focus of the study is the criminal procedure legislation of the Republic of Azerbaijan, which, in general, establishes an extensive and systematically structured model of guarantees for the rights of suspects, accused persons and defence counsel; however, it primarily links the exercise of the right to legal assistance to the formal acquisition by a*

person of the procedural status of a suspect or an accused. It is substantiated that such an approach, while ensuring legal certainty, does not in all cases guarantee timely and effective protection of the individual, since the actual accusatory activity of the State may commence prior to the formal attribution of the relevant procedural status. Particular attention is paid to situations in which a person is questioned as a witness despite the presence of indicators of factual suspicion, as well as to the problem of the subsequent use, for evidentiary purposes, of information obtained at this stage. Based on an analysis of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan, international standards, the case-law of the European Court of Human Rights, the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27 June 2000 No. 11-P, as well as the legislation and doctrine of other jurisdictions, the article concludes that there is a need for normative clarification of the moment when the right to defence arises within the criminal process of the Republic of Azerbaijan. The scientific novelty of the study lies in substantiating the category of procedural risk as a substantive criterion for determining the factual commencement of criminal prosecution and, accordingly, as a basis for ensuring earlier access to defence counsel in criminal proceedings.

Key words: *right to defence, defence counsel, suspect, accused, factual suspicion, procedural risk, right to a fair trial, admissibility of evidence, criminal prosecution, European Court of Human Rights.*

Азербайджанская Республика со времени восстановления государственной независимости последовательно совершенствует национальную правовую систему, укрепляет судебно-правовые институты, развивает адвокатуру и проводит курс на согласование внутреннего законодательства с общепризнанными принципами и нормами международного права. Такое развитие свидетельствует о зрелости национального правопорядка и о стремлении государства обеспечить не только формальное провозглашение прав и свобод человека, но и создание действенных механизмов их реальной реализации. Именно в этом контексте особое значение приобретает дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства, поскольку качество гарантий, предоставляемых личности на ранней стадии уголовного преследования, в значительной степени определяет справедливость всего последующего производства по делу.

Одним из наиболее дискуссионных и в то же время принципиальных вопросов современной уголовно-процессуальной науки остается определение момента возникновения права на защиту. В доктрине уголовного процесса постсоветских государств длительное время преобладал формально-юридический подход, в соответствии с которым право пользоваться помощью защитника связывается прежде всего с приданием лицу процессуального статуса подозреваемого либо обвиняемого. Подобная модель обладает несомненными достоинствами: она обеспечивает нормативную определенность, позволяет четко установить момент возникновения комплекса прав стороны защиты, способствует упорядочению процессуальной формы и придает уголовному судопроизводству структурную завершенность. Вместе с тем сама по себе формальная определенность не всегда тождественна материальной справедливости. Как справедливо отмечается в научной литературе, формализация уголовно-процессуальной деятельности представляет собой объективную потребность, обусловленную необходимостью защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса, однако чрезмерная формализация может приводить к ослаблению подлинного содержания гарантируемых прав [3, с. 46].

Именно это противоречие особенно отчетливо проявляется на начальной стадии уголовного преследования, когда государственная обвинительная деятельность по своему фактическому содержанию уже направлена на конкретное лицо, однако предусмотренные законом гарантии стороны защиты еще не введены в действие в полном объеме. Уголовное преследование в материальном смысле может начаться задолго до вынесения постановления о признании лица подозреваемым либо до принятия постановления о привлечении его в качестве обвиняемого. Такая ситуация возможна при допросе лица в качестве свидетеля, при проведении очной ставки, опознания, обыска, освидетельствования, назначении экспертизы или иных процессуальных действий, объективно затрагивающих его права и свободы и ориентированных на установление его возможной причастности к совершению преступления. В подобных случаях лицо еще формально не относится к стороне защиты, однако фактически уже оказывается перед реальной угрозой ухудшения своего процессуального положения.

Наиболее наглядно рассматриваемая проблема проявляется в ситуации, когда лицо допрашивается в качестве свидетеля при наличии признаков фактического подозрения. Формально свидетель выступает носителем сведений о фактах, имеющих значение для уголовного дела, но не является объектом обвинения. Однако в правоприменительной практике нередки случаи, когда содержание задаваемых вопросов, харак-

тер процессуальных действий и общая направленность деятельности органа расследования свидетельствуют о том, что фактический интерес следствия сосредоточен не на событии преступления как таковом, а на проверке причастности именно данного лица. В такой ситуации государственные органы получают от него объяснения в условиях объективной опасности их последующего использования против него самого. Тем самым лицо оказывается лишенным возможности своевременно воспользоваться профессиональной юридической помощью, определить линию защиты, реализовать право воздержаться от сообщения сведений, способных ухудшить его процессуальное положение, и исключить предоставление информации, которая впоследствии может лечь в основу обвинения. Подобная конструкция порождает процессуальный дисбаланс в реализации права на защиту, поскольку сторона обвинения фактически получает преимущество еще до официального возникновения у лица статуса подозреваемого.

Законодательство Азербайджанской Республики в целом формирует развитую и системную модель гарантий прав личности в уголовном процессе. Так, статья 90 УПК Азербайджанской Республики определяет круг лиц, признаваемых подозреваемыми, устанавливает пределы пребывания в данном статусе и закрепляет широкий комплекс процессуальных прав подозреваемого, включая право знать содержание подозрения, право получать копии процессуальных решений, право иметь защитника, право на конфиденциальные свидания с ним, право давать либо не давать показания, пользоваться помощью переводчика, заявлять ходатайства и отводы, представлять доказательства и обжаловать действия органа, осуществляющего уголовный процесс [11]. Статья 91 УПК Азербайджанской Республики закрепляет права обвиняемого, включая право знать сущность предъявленного обвинения, пользоваться помощью защитника, участвовать в следственных и судебных действиях, знакомиться с материалами дела, обжаловать постановления и приговоры суда, а при недоказанности обвинения — добиваться реабилитации. Статья 92 УПК Азербайджанской Республики определяет процессуальный статус защитника, случаи его обязательного участия, момент допуска в процесс, а также права, обязанности и пределы допустимого поведения адвоката [11].

Следует подчеркнуть, что такая законодательная конструкция свидетельствует о серьезном внимании Азербайджанской Республики к защите прав личности в уголовном судопроизводстве. Азербайджанский законодатель не ограничился лишь общим декларированием права на защиту, а предусмотрел подробную систему конкретных гарантий, охватывающих как подозреваемого и обвиняемого, так и защитника. Это подтверждает последовательный характер правового развития Азербайджана и его стремление к укреплению правовых основ уголовного процесса на уровне современных стандартов. Однако именно в этой развитой и в целом сбалансированной модели обнаруживается один принципиальный пробел: право на защитника поставлено в зависимость главным образом от формального процессуального статуса, тогда как фактическое уголовное преследование способно начаться ранее официального оформления соответствующего положения лица.

Проблема момента возникновения права на защиту не может рассматриваться изолированно от международных стандартов в области прав человека. Международный пакт о гражданских и политических правах закрепляет, что при рассмотрении любого предъявленного лицу уголовного обвинения каждый имеет право защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника [7]. Сходная по содержанию гарантия закреплена и в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая устанавливает право на справедливое судебное разбирательство и право обвиняемого защищать себя лично или через посредство выбранного защитника [8]. Вместе с тем подлинное значение этих норм раскрывается прежде всего в практике Европейского суда по правам человека, последовательно развивающего материальное, а не сугубо формальное понимание уголовного обвинения.

В деле Salduz v. Turkey Европейский суд по правам человека сформулировал одно из ключевых положений современной теории и практики права на защиту, указав, что, как правило, доступ к адвокату должен предоставляться с момента первого допроса подозреваемого полицией, если только с учетом конкретных обстоятельств не доказано наличие веских оснований для ограничения этого права [5, § 55]. При этом Суд особо подчеркнул, что ранний доступ к адвокату является важнейшей процессуальной гарантией, обеспечивающей справедливость разбирательства и защищающей лицо от недобровольного сообщения сведений, способных быть использованными в целях его собственного изобличения [5, § 54]. Данный вывод имеет принципиальное значение, поскольку смещает акцент с формального национального обозначения статуса лица на реальную уязвимость его положения перед государственным обвинением.

В деле Brusco v. France Европейский суд по правам человека развил этот подход и пришел к

выводу, что заявитель, несмотря на формальное отсутствие у него статуса обвиняемого, уже находился в положении лица, в отношении которого существовало уголовное обвинение в конвенционном смысле, поскольку государственные органы получали от него объяснения в условиях объективной опасности их последующего использования против него [1, § 50]. Тем самым Суд еще раз подчеркнул, что формальная квалификация процессуального положения по национальному праву не может служить достаточным основанием для отказа в гарантиях защиты, если по существу деятельность государства уже приобрела обвинительную направленность.

В постановлении Большой палаты по делу Ibrahim and Others v. the United Kingdom Европейский суд указал, что при оценке ограничения доступа к адвокату необходимо установить, существовали ли веские основания для такого ограничения, а также оценить, не подорвало ли оно общую справедливость разбирательства [2, § 257]. Суд также отметил, что значение имеет и то, было ли подобное ограничение предусмотрено внутренним правом и насколько четко были определены его пределы [2, § 258]. Следовательно, в международно-правовом измерении ключевым критерием является не только формальная законность соответствующих действий, но и их реальное воздействие на положение лица и на справедливость процесса в целом.

Материальный подход к определению момента возникновения права на защиту получил развитие и в конституционно-правовой практике зарубежных государств. Особое значение в этом отношении имеет Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П по делу В.И. Маслова. Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что право пользоваться помощью адвоката возникает не с момента формального объявления лицу протокола задержания или постановления о мере пресечения, а с того момента, когда ограничение его прав становится реальным и когда в отношении него предпринимаются действия, свидетельствующие о фактическом уголовном преследовании [6]. По существу, в данном постановлении была дана конституционно-правовая интерпретация, полностью согласующаяся с подходом Европейского суда по правам человека: приоритет должен принадлежать не формальному наименованию процессуального статуса, а фактическому содержанию действий государства, затрагивающих права, свободы и законные интересы личности.

Сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства других государств также подтверждает общую тенденцию к более раннему допуску защитника в уголовный процесс. Так, статья 49 УПК Российской Федерации предусматривает участие защитника не только с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, но и с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, с момента фактического задержания, с момента вручения уведомления о подозрении, с момента объявления постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы, а также с момента начала иных мер процессуального принуждения либо иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица [12]. Особую значимость имеет положение о допуске защитника с момента начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении [12]. Именно эта норма представляет особый интерес для азербайджанской правовой доктрины, поскольку она демонстрирует возможность нормативного преодоления разрыва между фактическим началом уголовного преследования и формальным признанием лица подозреваемым.

На необходимость более гибкого подхода к моменту допуска защитника указывает и научная литература Беларуси, России и Украины. В частности, отмечается, что участие защитника должно обеспечиваться не только после формального признания лица подозреваемым или обвиняемым, но и тогда, когда меры государства уже объективно затрагивают его права и свободы в связи с подозрением в совершении преступления [14, с. 452–456]. В современных исследованиях подчеркивается, что момент возникновения права на защиту должен определяться с учетом не только юридической формы, но и фактической направленности действий государства [4, с. 131].

Для доктринального разрешения данного противоречия целесообразно использовать категорию процессуального риска. В научной литературе справедливо указывается, что уголовно-процессуальный риск может носить как объективный, так и субъективный характер в зависимости от факторов, его обусловливающих [9, с. 42]. Применительно к предмету настоящего исследования под процессуальным риском следует понимать объективную вероятность того, что совершаемое в отношении лица следственное либо иное процессуальное действие способно привести к ухудшению его процессуального положения, к формированию доказательственной базы против него и к последующему использованию полученной информации в обвинительных целях. Теоретическое достоинство данной категории состоит в том, что она позволяет установить

момент, когда лицо, еще не обладая формальным статусом подозреваемого, уже нуждается в тех гарантиях, которые присущи стороне защиты.

Процессуальный риск, по нашему мнению, проявляется при наличии по меньшей мере трех взаимосвязанных признаков. Во-первых, действия государства приобретают обвинительную направленность, то есть ориентированы не на получение нейтральной информации о событии преступления, а на проверку причастности конкретного лица. Во-вторых, имеет место индивидуализация подозрения, когда внимание следствия фактически сосредоточено именно на данном субъекте. В-третьих, соответствующее действие объективно способно породить либо усилить доказательственную базу против этого лица. Если указанная совокупность обстоятельств присутствует, право на защиту должно рассматриваться как уже возникшее в материальном смысле. В этой связи заслуживает внимания вывод о том, что процессуальный риск может возникать ранее самого формального процессуального правоотношения, а не одновременно с ним [10, с. 245]. Именно в этом и заключается научная новизна предлагаемого подхода: право на защиту предлагается связывать не только с формальным процессуальным решением, но и с объективным моментом возникновения угрозы ухудшения положения лица в связи с обвинительной деятельностью государства.

Особую значимость рассматриваемая проблема приобретает и в аспекте допустимости доказательств. Законодательство Азербайджанской Республики, равно как и уголовно-процессуальные кодексы других государств, связывает допустимость доказательств с соблюдением требований закона при их получении [11]. Однако формальный критерий законности не всегда позволяет адекватно оценить ситуацию, при которой сведения были получены при фактическом обходе гарантий защиты. Если лицо допрашивалось в качестве свидетеля, тогда как по существу уже находилось в положении фактического подозрения, то формальное соблюдение процессуальной процедуры не устраняет того обстоятельства, что объяснения были получены без надлежащих гарантий правовой помощи и без возможности полноценно реализовать право не сообщать сведения, способные впоследствии использоваться для его собственного изобличения. В таком случае формально допустимое доказательство может оказаться материально несправедливым. Практика Европейского суда по правам человека показывает, что именно влияние подобного ограничения на общую справедливость разбирательства должно становиться предметом судебной оценки [5, § 55; 2, § 257].

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства Азербайджанской Республики. При этом речь не идет о пересмотре основ действующей модели, которая в целом является внутренне последовательной и содержит развитую систему правовых гарантий. Напротив, предлагаемые изменения направлены на ее развитие, углубление и приведение в большее соответствие с современными международными стандартами. Представляется целесообразным дополнить статью 92 УПК Азербайджанской Республики новой нормой, предусматривающей более ранний допуск защитника в тех случаях, когда обвинительная деятельность государства уже фактически началась.

С учетом азербайджанской законодательной техники можно предложить следующую редакцию новой части статьи 92 УПК Азербайджанской Республики: «Если до признания лица подозреваемым или обвиняемым в отношении него совершаются действия обвинительной направленности, способные привести к ухудшению его процессуального положения либо к формированию доказательственной базы против него, орган, осуществляющий уголовный процесс, обязан до начала такого действия разъяснить лицу право пользоваться помощью защитника и обеспечить возможность пригласить защитника либо получить назначенного защитника в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом».

Предлагаемое дополнение представляется обоснованным по нескольким причинам. Во-первых, оно устраняет нормативный разрыв между фактическим началом уголовного преследования и формальным признанием лица подозреваемым или обвиняемым. Во-вторых, оно позволяет предотвратить использование статуса свидетеля как средства обхода гарантий защиты. В-третьих, оно способствует укреплению принципа справедливого судебного разбирательства и повышению качества доказательственной деятельности, поскольку сведения, полученные при наличии защитника и в условиях полноценной реализации права на защиту, обладают большей процессуальной устойчивостью. В-четвертых, такая норма отвечает общему вектору развития правовой системы Азербайджанской Республики, которая последовательно укрепляет государственные и правовые институты, учитывает международные стандарты и стремится к дальнейшему совершенствованию национального законодательства.

Таким образом, момент возникновения права на защиту в современном уголовном процессе не может определяться исключительно формальным актом признания лица подозревае-

мым либо обвиняемым. Подлинное содержание данного права требует учитывать тот фактический момент, когда государственная обвинительная деятельность начинает реально затрагивать права, свободы и законные интересы конкретного лица. Действующее уголовно-процессуальное законодательство Азербайджанской Республики создало прочную и в целом развитую основу для обеспечения права на защиту, однако дальнейшее совершенствование этой модели должно быть связано с нормативным закреплением материального критерия фактического подозрения. Категория процессуального риска позволяет теоретически обосновать такой подход и может служить надежным инструментом для определения момента, когда лицо уже должно пользоваться помощью защитника.

Следовательно, развитие уголовно-процессуального законодательства Азербайджанской Республики на современном этапе требует перехода от исключительно формального понимания момента возникновения права на защиту к более содержательному, материально ориентированному подходу. Такой подход не ослабляет процессуальную форму, а, напротив, усиливает ее подлинное правозащитное значение. Введение в УПК Азербайджанской Республики нормы о допуске защитника с момента начала действий, объективно свидетельствующих о фактическом подозрении, способствовало бы укреплению гарантий личности, предупреждению процессуальных злоупотреблений, усилению судебного контроля, повышению доверия к правосудию и дальнейшему развитию Азербайджана как современного правового государства, сочетающего уважение к национальной правовой традиции с последовательной приверженностью международным стандартам защиты прав человека.

Список литературы:

[1] Brusco v. France. Application no. 1466/07. Judgment of 14 October 2010.

[2] Ibrahim and Others v. the United Kingdom [GC]. Applications nos. 50541/08, 50571/08, 50573/08 and 40351/09. Judgment of 13 September 2016.

[3] Крипиневич С.С. Правовая определенность и формализация в совершенствовании уголовно-процессуальной формы // Юридические исследования. 2024. № 12. С. 45–55.

[4] Купрейченко С.В. Осуществление защиты как обязательный признак возникновения у адвоката статуса защитника в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 124–132.

[5] Salduz v. Turkey [GC]. Application no. 36391/02. Judgment of 27 November 2008.

[6] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова».

[7] Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.

[8] Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

[9] Соловьева Н.А., Шинкарук В.М. Уголовно-процессуальный риск: понятие и содержание // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 1 (22). С. 40–44.

[10] Сулейманов А.А. Возникновение процессуального риска и его соотношение с цивилистическим процессуальным правоотношением // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. Т. 2. № 26. С. 233–249.

[11] Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики.

[12] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

[13] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан.

[14] Шакун Е.А. Допуск защитника в уголовный процесс. Приглашение, назначение защитника в Республике Беларусь, Российской Федерации и Украине // Сборник работ 70-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. Минск, 2013. С. 452–456.

References:

[1] Brusco v. France. Application no. 1466/07. Judgment of 14 October 2010.

[2] Ibrahim and Others v. the United Kingdom [GC]. Applications nos. 50541/08, 50571/08, 50573/08 and 40351/09. Judgment of 13 September 2016.

[3] Kripinevich S.S. Legal certainty and formalization in improving the criminal procedure form// Legal research. 2024. № 12. S. 45-55.

[4] S. V. Kupreichenko. Defense as a mandatory sign of the lawyer's status as a defender in criminal proceedings//Actual problems of Russian law. 2023. T. 18. № 4. S. 124-132.

[5] Salduz v. Turkey [GC]. Application no. 36391/02. Judgment of 27 November 2008.

[6] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 27, 2000 No. 11-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of part one of Article 47 and part two of Article 51 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V.I. Maslov."

[7] International Covenant on Civil and Political Rights, December 16, 1966

[8] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950

[9] Solovyova N.A., Shinkaruk V.M. Criminal procedure risk: concept and content//Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2014. № 1 (22). S. 40-44.

[10] Suleimanov A.A. Emergence of procedural risk and its relationship with civil procedural legal relations//Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University. 2025. VOL. 2. № 26. S. 233-249.

[11] Code of Criminal Procedure of the Republic of Azerbaijan.

[12] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

[13] Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan.

[14] Shakun E.A. Admission of defense counsel to criminal proceedings. Invitation, appointment of a defender in the Republic of Belarus, the Russian Federation and Ukraine//Collection of works of the 70th scientific conference of students and graduate students of the Belarusian State University. Minsk, 2013. PP. 452-456.

